

Соб. Записки - 1992 - 28 мая

Валентин РАСПУТИН

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПРАЗДНИКЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Светлое слово, красивое, звучное, размашистое и мягкое. взяли для своего наименования и обозначения в мире наши предки-славяне. При звуках его до сих пор невольное тепло разливается в душе и занывает от волнения сердце. «Они славные, да только все спят», — с ласковой укоризной отзывался как-то о русских В. В. Розанов. Относительно спят можно и порассуждать. Не оттого ли спят, что их заставляют заниматься чужим, не свойственным им делом, а от своего, ради которого они были вызваны в мир, отрывают: не есть ли это форма сопротивления?

Недавно вышла книга Олега Николаевича Трубачева «Этногенез и культура древнейших славян». Книга, проводящая итоги долгих лингвистических разысканий ученого, которая дает нам право еще больше гордиться своим прошлым. В книге Олега Николаевича дается убедительный ответ на давние и слишком запутанные ученым братством вопросы: кто такие славяне и откуда они пришли на места нынешних поселений? Если это и не окончательный ответ, до него, судя по всему, стало намного ближе. В работе Трубачева есть подтверждение тому, что, казалось бы, мы должны были слышать духовным слухом постоянно. Одним из первых, а может, самым первым заветом, оставленным прославянами и донесенным до нас этнической памятью, был завет: знай свой род. Народы, которые пренебрегали родовой памятью и не имели достаточно энергии, чтобы понять и выписать заглавными буквами свою роль в мире, работать постоянно для ее выполнения, народы, бывшие лишь попутчиками другим, довольно скоро теряли всякое свое значение и этими другими поглощались. Несть числа им — ушедшим и поглощенным. Хотя до сих пор это были только цветочки. И машина великого национального перелома запускается вовсю лишь теперь.

В славянском имени нет

уныния, как принято считать. Это не унылая судьба, не растительная от поколения к поколению, не провинциальная, а судьба собственная.

Позволительно считать, что это было избранничество, с которым славяне пока не справились. Не найти теперь в подробностях, что и когда закладывалось нашими предками в художественную кладовую славянских народов, из которой мы продолжаем пользоваться и сейчас. Но закладывалось щедро и

и ни слова не выронили из песен и былин, выпевая и складывая в неволе под стон новые.

Это и есть цена нации. Ровно столько стоит нация, сколько знает себя. Это, так сказать, стоимость основных ее фондов. А вклад в мировое дело, без которого продуктивно она не может существовать, есть стоимость производительная, которая без первой ничто.

У Розанова, который уже цитировался, есть слова,

Светлое слово

навечно. Слово к слову, звук к звуку, капля к капле, и чутинка от чутья к чутинке.

Христианство очистило и приподняло нашу душу, дисциплинировало ее и придало ей окончательную форму. Православие у южных и восточных отзывалось на ту струну, которая искала новой качественной красоты и служения. Небытие духа определяет сознание. В этом теперь, кажется, мало кто сомневается. С наступлением для семейственного до тех пор славянского союза времени религиозного соперничества началось остывание родственных чувств, раздвоение плененного сознания. Винить в этом кого-нибудь из славян нельзя — так рассудила история.

Никто из славян, как известно, не миновал рабства. Им начинается Крестный ход славянства. Восточная Русь под татарским игмом находилась почти три века, южные славяне под турецким — пять веков. Это много. Гораздо больше, чем нужно для превращения любой нации в продукт давления без определенных родовых черт. Если этого не случилось, стало быть, и Русь, и балканские народы никогда не забывали, кто они такие есть и откуда пришли, ни под каким страхом не отказывались от своих обычаев, традиций, веры, пуще глаза берегли ду-

сказанные после революции под гнетущим впечатлением от картин революции. Эти слова звучат так: «Мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя». Вот он — главный орган, главная идея, которыми скрепляется и живет народ. У славянства в этом мире просматривалась особая, духовная задача. Так вылепился в веках его характер, мистический и отзывчивый, таким был его «культурно - исторический тип» по Данилевскому и «культурно - исторический стиль» по Леонтьеву. Святая Русь — это мечта, но это и явь. Когда бы ни церковный раскол в России, как знать, куда бы пошла Русь? Полярность русского характера не в его изначальной, природной противоречивости, а в том прежде всего, что от Петра и даже раньше постоянно гнули его против собственного хода этого характера, постоянно распирали его на общественной дыбе.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и те болезненные изменения, которые оставили в русском характере века татарского рабства и собственного крепостного, а в последние десятилетия еще и рабства идеологического. Почти весь XIX век прошел в России под знаком восточного или славянского вопроса. Им определялась внешняя по-

литика, под влиянием начавшегося освобождения южных славян появилась и овладела национальными умами славянофильская идея, в наше время извращенная и оболганная. Ничего более продуктивного и значительного, чем она, эта идея, русский ум после этого не предложил и не мог, судя по всему, предложить. Потому, во-первых, что он целиком и надолго отдался ей, видел в ней для России мировое служение, небесный промысел, возложил

на нее все надежды, а кроме того, и потому еще, что она указывала верные пути и вовсе не была прелестью, отклонением доморощенного русского сознания. Терпешный ход мировых и славянских событий это подтверждает.

Славянству во главе с Россией на духовной стезе было что предложить миру, но с готовностью и самоотверженностью вкусив яблоко раздора, поддавшись на интриги опытных мироводителей, славянский мир оказался к этому не способным. Россию втянули в войну, обессилили и отдали под власть учения, которое с невиданной жесткостью принялось насаждать безродство и окаянство. Надо признать, что и дореволюционная Россия, свободная тогда и сильная, не обладала, должно быть, той притягательностью, которая могла объединить славян и создать общее духовное воинство. Ничего из задуманного и необходимого, само собой напрашивающегося для самозащиты, сделано не было. Послевоенный политический союз — имеется в виду блок по результатам второй мировой войны — принимать всерьез в расчет не стоит. Связанные одной цепью, отъятые от прошлого и от святых своих, облекающие слова братства в оковы чужих понятий, не могли сла-

ваине в этих условиях поддерживать тепло и заветы родовых очагов. И когда спали цепи, потому лишь, что вместе они претерпевали под ними, вместе страдали, отшатнулись славяне друг от друга, бросая вослед укоризны и предъявляя счеты. Если бы этим еще и ограничилось. Нет. Они теперь пошли войной друг на друга. Так из денег и власти, из раздоров одних и могущества других, из плодов политики «разделяй и властвуй»

как соткана была наша до-прежняя племенная жизнь.

Мы и любили по-своему, и смеялись, и плакали, и страдали по духу окружавших нас гор и долин. Память наша, стоит лишь обратиться к ней, востребовать письменно, писанное славянскими письменами, доставит его нетленности из таких временных угодий, что от глубины их обомрет сердце. Кровью полита наша земля, слезами омочена, битвами не на жизнь, а на смерть пошита, криками новорожденных и стоном умирающих подбита, песнями и сказами изукрашена. Эти боли больные, и дива дивные — всюду, скажете вы, на любой земле, любого народа. Да, верно. Но у нас опять не так, опять на особинку. Вглядитесь в наши лица мягких и плавных линий. Это от доверчивости, от открытости, от звучащих внутри напевов, к которым мы непрестанно прислушиваемся. Мы всегда наполювину погружены внутрь себя, в свое. Каждый из нас маленький родник, отрытый на месте глубинной жизни. Мы не кровью гордимся, нет. Что сегодня племенная кровь, не имеющая духовного русла? Особенно в Европе, где народы принялись толочься еще в незапамятные времена. Да при судьбе под чужбиной. Такая там дружба народов, не перечесть. И все же она, кровь наша, остается славянской, все же характер оберегается, потому что все у нас пропитывается своим и в него перерождается. Все, привнесенное в нас, заново всходит и взращивается своим уходом. Много раз за свою судьбу славяне принесли в жертву единство свое. Но не чувство, не общее отцовство, не будущее. Оттого новодельный мир не доверял славянам и не доверяет. Даже и предавшимся ему, этому жертвенному огню поглощения национальных народов, не доверяет он. Потому что никогда не доходили славяне в расколе до конца, и расхodgeя, искали возвращения. Дойдем ли до конца теперь? Как знать, можем и идти. Не далеко.